

положить, что эти номера были для Екатерины еще не читанной новинкой. Выражая благожелательное отношение к издателю, она была, должно быть, удовлетворена и направлением его издания.

Это заставляет отнестись более осторожно к поискам выпадов личного характера в адрес императрицы со стороны Новикова, по крайней мере в первых листах журнала. Если бы они были, то вряд ли бы августейшая читательница их не заметила.

Следует также напомнить, что в 5-м листе «Живописца» был напечатан известный «Отрывок путешествия в *** И *** Т ***». Обещанное издателем продолжение долго не появлялось. Только в 13-м листе Новиков поместил статью «Англиская прогулка», где устами своего собеседника (и, заметим, единомышленника) объяснился с читателем по поводу смысла «Отрывка», толков вокруг него и намекнул на причины, по которым остановилась публикация. Продолжение (по некоторым соображениям переработанное и смягченное)²² появилось сразу же вслед. Оно было одновременно и окончанием, так как предполагавшееся описание поездки в деревню Благополучную никогда не было напечатано. И обещание издателя и особенно текст «Англиской прогулки» давали умеренное толкование отрывка: Новиков ссылаясь на факт существования дурных помещиков и обещал поговорить об образцовых. Невозможно предположить, что собеседник Новикова в «Прогулке», «почтенный человек, который превосходителство поставляет не в пышности названия, но в доброте сердца», фигура полностью вымысленная. Среди влиятельных лиц в Петербурге Новиков имел не только противников, но и защитников, хотя первые, судя по купюрам в тексте той же «Прогулки», были много сильнее и решительнее. В подобной ситуации награда императрицы была для Новикова важна как полугласная моральная поддержка. Чем она была на самом деле — оплатой уже проявленной умеренности или авансом на ближайшее будущее в счет удобного Екатерине направления журнала, этот вопрос невозможно решить без дополнительных сведений. Не исключено, что и в этом случае мы встречаемся с попыткой воздействовать мирно на неугомонного журналиста, которого в конце концов пришлось все же признать неисправимым фанатиком.

Журнальная критика дурных помещиков, так же как и теория «виноватого приказчика» в комической опере, не могла вызвать раздражения в императрице. На нее необузданный произвол русского дворянства тоже производил удручающее впечатление, и она не без основания считала, что благородное сословие рубит опору, на которой держится внутреннее спокойствие государства. Екатерина предвидела пугачевщину, а впоследствии боялась ее повторения. Понимание ситуации слышится в ее записке к генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому, человеку, облеченному

²² Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 206, 283.